A 133/234

А 133/234

РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ПРЕДЪ РЕФОРМОЙ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

I.

Зависимость личности отъ родительской и общественной опеки. — Что почиталось *нравственнымъ* въ XVII вѣкѣ? — Вліяніе византійскихъ понятій на судьбу русской женщины. — Теремъ. — Идеалъ семейный.

Было ли на Руси въ XVII вѣкѣ сознаніе о достоинствѣ человѣческой личности вообще, независимо отъ общественныхъ и частныхъ положеній, и въ частности сознаніе равноправности мужчины и женщины въ смыслѣ одинаковыхъ человѣческихъ совершенствъ и достоинствъ? Вникая въ историческія судьбы русскаго человѣка, русской женщины, мы необходимо приходимъ къ убѣжденію, что на Руси въ древнее время такого сознанія не было. Это явленіе, весьма справедливо и согласно съ историческими данными объясняется особымъ сложившимся строемъ русской семейной и общественной жизни. По отношенію же къ женской личности на ряду съ этимъ началомъ стоитъ и вліяніе византійскихъ взглядовъ на существо женщины.

Дѣйствительно, если обратить серьезное вниманіе на строительныя начала нашей семейной, общественной и государственной жизни, то нельзя незамѣтить, что въ основѣ ихъ лежало главное начало — родительской опеки, въ смыслѣ опеки старшаго представителя всей родственной семьи или цѣлаго рода. По такому началу опеки не только личность женщины, но и мужчины не могла имѣть никакого самостоятельнаго, независимаго значенія. Это начало исключало всякое представленіе объ идеи личности. Тутъ на первомъ планѣ стояла только ревнивая идея рода, т. е. идея полной зависимости лица отъ своего родства. Родитель, какъ отецъ, по естественнымъ правамъ становился главою и властителемъ своей семьи. Онъ сосредоточивалъ

въ своихъ рукахъ власть не только надъ дѣтьми, какъ своимъ рожденіемъ, но и надъ матерью этого рожденія, какъ существомъ низшей породы. Собственно говоря, семейныя узы не уничтожаютъ личности. Личность здѣсь на нѣкоторое время, въ періодъ воспитанія, остается только пассивною, но не придавленною. Совсѣмъ иное представляютъ узы рода. Здѣсь личность совершенно теряется въ сплетеніяхъ родоваго старшинства и меньшинства и никогда не пользуется независимымъ положеніемъ. Недаромъ домострой—этотъ точный выразитель того времени идей, положилъ въ основу семейства деспотизмъ главы рода. Единственно взрослый и самостоятельный членъ въ семьѣ, по его мысли, есть только отецъ или вообще старшій (въ семьѣ или родѣ). Всѣ другіе члены передъ нимъ «ребята», умственно и нравственно недозрѣлые, ребята—живущіе только его умомъ и наставленіями. Домострой не ограничился предоставленіемъ владыкѣ дома одной внѣшней власти, онъ возложилъ на него и великую нравственную отвѣтственность во всемъ, чтобы ни совершилось въ домѣ, отвѣтственность не только предъ судомъ общества, но и въ будущей жизни — предъ судомъ Божіимъ. Поставляя главу дома властелиномъ не только надъ тѣломъ но и душею, надъ всѣми нравственными, подчасъ сокровеннымп, отправленіями, домострой тѣмъ самымъ въ лицѣ старшаго воспитывалъ и освящалъ самый безграничный произволъ, полную необузданность воли. Съ другой стороны, ставя младшаго лицомъ неотвѣтственнымъ за свои личныя нравственныя дѣйствія, въ лицѣ каждаго младшаго онъ воспитывалъ и освящалъ безпрекословное покореніе и послушаніе, безграничное приниженіе личности, полное дѣтство и раболѣпство воли.

Въ силу этой опеки русскій народъ, можно сказать и до послѣдняго времени, понимается и ведется, какъ «недоросль», требующій неусыпныхъ правительственныхъ заботъ. Что родовая опека въ семейномъ и общественномъ быту принизила личность до полнаго обезличенія; это лучше всего разъясняется и доказывается понятіями того времени о личной чести. Личная честь по общественному представленію XVII вѣка (по преимуществу первой его половины) лежала въ идеѣ достоинства ея рода. Русская боярская честь, самая развитая и высокая по общественному положенію, чтобы только охранить неприкосновенность своего рода, ставила личность подъ батоги, кидала въ тюрьму, кидала подъ столъ за царскимъ обѣдомъ, подвергала ее жестокой царской опалѣ.

Родительская опека служила подкладкой и общественной опеки. Послѣдняя ставила своею задачею направлять силы общества къ выполненію добытаго вѣками нравственнаго идеала. Что же почитало нравственнымъ общество XVII вѣка? Сущность нравственной идеи, которая была руководительницей всѣхъ стремленій тогдашняго русскаго человѣка, когда онъ пытался взойти на высоту нравственной жизни, заключалась въ томъ, чтобы во имя родоваго идеала сдерживать до приниженія нравственную свободу и нравственную самостоятельность личности. Въ умственной области для этого существовалъ цѣлый рядъ мрачныхъ представленій о господствѣ надъ жизнію человѣка невѣдомыхъ демоническихъ силъ, предъ которыми самостоятельность и свобода личности поникала въ полное сознаніе своего безсилія и ничтожества. Въ нравственной сферѣ существовала идея родительской опеки, предъ которой нравственная свобода и самостоятельность личности точно также поникала въ полное сознаніе своего дѣтства, стало быть также ничтожества. Общество ревниво оберегало извѣстный складъ умственныхъ и нравственныхъ отправленій, чутко и зорко сторожило всякое малѣйшее отступленіе отъ сознанныхъ имъ началъ жизни и даже отъ самыхъ ихъ формъ. Порывы ума оно сдерживало тѣмъ, что обзывало всякое его движеніе, всякую его новую мысль страшнымъ въ то время словомъ ересью или чернокнижіемъ, а всякую книгу, входившую въ кругъ его созерцаній, еретическою. Стремленія чувства и воли, вырывавшіяся изъ опредѣленной нормы, общество охраняло и сдерживало постояннымъ преслѣдованіемъ всякаго выраженія самостоятельности, почитая это гордостію, высокоуміемъ, самонадѣянностію и съ этою цѣлію необыкновенно широко и глубоко укореняло и расширяло идею смиренія. Полное, всестороннее подчиненіе ума и воли этимъ сознаннымъ обществомъ началамъ и было нравственностію вѣка. Но что же выражала эта нравственность? Полное отрицаніе самостоятельности нравственныхъ индивидуальныхъ силъ человѣка, полную его нравственную зависимость отъ посторонніихъ силъ, предъ которыми онъ стоялъ безпомощнымъ существомъ, «глупымъ, неразумнымъ человѣкомъ», какъ выражались въ то время. При такомъ складѣ нравственныхъ воззрѣній нельзя было и помышлять о развитіи индивидуальныхъ способностей человѣка во всѣхъ ихъ отправленіяхъ.[1]

[1] Правда, уничтоженіе мѣстничества въ 1682 году при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ стало основою новой организаціи общественныхъ убѣжденій и пред-

Но особенно принижено было достоинство женщины. Помимо указанныхъ причинъ, тутъ играло видную роль вліяніе понятій, какія господствовали въ Византіи въ ту эпоху, когда переходило къ намъ христіанство. Особенность этихъ понятій составляло безпощадное отрицаніе растлѣннаго византійскаго міра, со всѣми его жизненными формами, отрицаніе—составившееся подъ непосредственными впечатлѣніями. Чистая и прямая, хотя и грубая природа нашихъ предковъ, конечно вовсе неспособна была даже и понять тѣхъ нравственныхъ утонченностей византійскаго развитія, какими по необходимости исполнены были литературные памятники Византіи, послужившіе для насъ и литературными образцами и источниками умственной и нравственной культуры. Наши первые проповѣдники—греки безсомнѣнно и не задавались вопросамъ, можно ли было сопоставлять роль русской женщины съ ролью женщины византійской; они не разсуждали о томъ, былъ ли на самомъ дѣлѣ русскій міръ такъ мраченъ и погибеленъ, какъ они рисовали его, цѣликомъ заимствуя окраску изъ жизни Византіи. Отрицаніе житейскаго міра выразилось главнымъ образомъ въ общемъ аскетизмѣ. Этотъ послѣдній, развиваясь и идя послѣдовательно, приводилъ къ отрицанію и такихъ силъ жизни, безъ которыхъ невозможно самое существованіе человѣческаго общества. Презрѣніе и пренебреженіе къ женщинѣ на Руси приводило иностранцевъ въ удивленіе,[1] хотя и у нихъ самихъ личность женщины въ то время стояла не слишкомъ высоко. Среди нашихъ предковъ даже распространилось мнѣніе, что человѣкъ, «съ женою и чады живуще», не можетъ спастися. Въ литературѣ женщина становится предметомъ самихъ жестокихъ и сильныхъ нападокъ и обличеній, рисовавшихъ ее пластически во всѣхъ чертахъ ея грѣховной жизни. Въ концѣ концовъ выросъ даже страшный образъ злой жены—типъ всякаго нравственнаго безобразія, или вѣрнѣе типъ аскетическаго омерзенія вообще къ женскому существу, какъ къ

ставленій о достоинствѣ человѣка, какъ человѣка, помимо всякихъ другихъ опредѣленій его личности. Но что было выработано вѣками, то не можетъ быть скоро уничтожено правительственнымъ распоряженіемъ. Теорія принижения личности была господствующей и въ XVIII вѣкѣ. Даже въ XIX вѣкѣ она отразилася въ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, особенно же въ его извѣстной «Запискѣ о древней и новой Россіи». Здѣсь Карамзинъ на личность и русское общество проводитъ и утверждаетъ взгляды чисто XVII вѣка: таже система опеки и теорія принижения личности и тотъ же квіэтизмъ общества.

[1] Майерб. 145.

неизсякаемому источнику всякаго соблазна для цѣломудренной мысли. На вопросъ: «что есть жена»? авторъ поученія [1] излилъ весь запасъ словъ, направленныхъ къ приниженію нравственнаго достоинства женской личности, не опустилъ изъ виду ни одного обиднаго эпитета, сгруппировалъ все, что могъ, для выраженія всей полноты безнравственности и грѣховности женскаго существа.

И вотъ, съ одной стороны, подъ вліяніемъ родовой опеки, отрицающей значеніе личности, и подъ вліяніемъ, съ другой стороны, византійскихъ понятій и разныхъ другихъ историческихъ условій, вырабатывается на Руси теремъ, получившій въ XVII вѣкѣ окончательное завершеніе. Женщина, какъ существо слабое и неразумное, а подчасъ и опасное для аскетической мысли, становится предметомъ самыхъ неусыпныхъ заботъ, которыя и приводятъ ее въ этотъ теремъ, какъ въ такое мѣсто, гдѣ «береженье» вѣрнѣе и полнѣе достигаетъ своихъ цѣлей. Находясь здѣсь въ продолженіе всей своей жизни, вдали отъ всякихъ общественныхъ движеній и полезныхъ волненій, женщина навсегда оставалась дѣйствительно наивнымъ и неразумнымъ дѣтищемъ. Котошихинъ, наблюдательный современникъ разсматриваемой эпохи, дѣлаетъ такой нелестный отзывъ о русскихъ женщинахъ: «московскаго государства женской полъ грамотѣ неученые, и необычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцевъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чюжіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ, и потому можно дознаться, отъ чего бы имъ быти гораздо разумными и смѣлыми; также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому жъ люди видаютъ мало».[2]

Дѣятельность женщины распространялась исключительно только на устройство дома, но не самостоятельное, а сообразное съ намѣреніями мужа. Жена только исключительная хозяйка и работница, поставленная во главѣ другихъ работницъ и работниковъ дома. Но тѣмъ не менѣе на нее возлагалась своего рода и нравственная обязанность именно созидать изъ своего

[1] Погод. собр. публ. библ. № 1298. 229—231.—Также «Слово о злыхъ женахъ»—сборн. публ. б—ки скорописью XVII в. отд. XVII, № 35. 380.

[2] Котош. 44.—Царевна Софія составляетъ въ этомъ случаѣ счастливое исключеніе, и явилась какъ бы предвѣстницей радикальной реформы Петра Великаго по женскому вопросу.

дома монастырь или нѣчто такое, что бы своимъ нравственнымъ уставомъ и порядками подходило подъ идеалъ монастырской жизни. Это потому, что наша семейная жизнь не выработала своего собственнаго семейнаго идеала, а взяла за образецъ идеалъ аскетическій, конечно, вовсе не соотвѣтствовавшій даннымъ требованіямъ. Если Домострой, обращаясь къ мужу—главѣ дома, указывалъ ему идеалъ игумена, говоря: «вы есте игумены въ своихъ домахъ,» то здѣсь опредѣлялся только идеалъ повелѣвающей власти. Воплощеніе же этого идеала въ самой дѣйствительности, во всѣхъ его нравственныхъ потребностяхъ и формальныхъ частностяхъ, главнымъ образомъ лежало на женщинѣ. Вообще семейная жизнь въ XVII вѣкѣ устроялась и совершалась по преимуществу по воззрѣніямъ и идеалу, выраженнымъ въ Домостроѣ, въ этомъ чрезвычайно важномъ и характерномъ памятникѣ своего времени.

II.

Заключеніе брака и обманы.—Взглядъ на невѣсту.—Жестокость въ отношеніяхъ мужа къ женѣ. — Разторженіе брака. — Оригинальное объясненіе жестокости иностранцами.—Месть женъ.—Семейный бытъ духовенства.

Вслѣдствіе родительской опеки, считавшей дѣтей нравственно и умственно недозрѣлыми, заключеніе брака зависѣло исключительно отъ воли отца. Существенный признакъ законности брака, по требованію самой церкви, взаимное соглашеніе—вполнѣ игнорировался. Молодымъ людямъ обоего пола не позволялось даже видѣться, тѣмъ менѣе обѣщать себя другъ другу. Родители сами, по своимъ собственнымъ соображеніямъ и нерѣдко чисто по житейскимъ выгодамъ, заключали браки своихъ дѣтей, которыя очень часто не знали и не видали другъ друга до самой брачной комнаты.[1] Понятно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо нравственныхъ симпатіяхъ между брачущимися, о той сердечной связи, какая непремѣнно должна существовать между двумя лицами, для того и соединяющимися, чтобы имѣть и наблюдать одни интересы, одни желанія и стремленія. Имѣя исключительный взглядъ на женщину, какъ на орудіе для чувственнаго наслажденія, лица, заключавшія браки, нисколько не думали и не заботились о высшихъ условіяхъ, необходимыхъ для брака, и о его высшихъ цѣляхъ. При взглядѣ на женщину, какъ на вещь, какъ на предметъ безличный, по-

[1] Котош. 119 126.—Кол. 11.—Олеар. 58—Маскев. 63.—Дневн. Корба. 289.

нятно почему въ XVII вѣкѣ при бракахъ допускались всевозможные обманы, хитрости, низкіе подлоги, какіе мыслимы только при торговыхъ отношеніяхъ. «Истинная есть тому правда, восклицаетъ Котошихинъ, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого надѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ Государствѣ»![1]

Всматриваясь въ обрядовую сторону русскихъ свадебъ XVII вѣка и въ тѣ нравственно-практическія наставленія пастыря, которыя говорились при подобныхъ случаяхъ, мы увидимъ, какой взглядъ проводился на невѣсту. Этотъ взглядъ совершенно исключалъ понятіе о невѣстѣ, какъ подругѣ жизни жениха, какъ о равной по своимъ правамъ нравственной личности, какъ о «помощницѣ» мужа при совмѣстномъ нравственномъ развитіи и совершенствѣ. Такъ по словамъ Корба, отецъ, давъ согласіе на предстоящее бракосочетаніе, призывалъ: къ себѣ дочь и спрашивалъ желаетъ ли она выйти за мужъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ бралъ новую плеть и, слегка ударяя ею дочь, приговаривалъ: «этотъ послѣдній ударъ, милая моя дочь, напоминаетъ тебѣ отцовскую власть. Ты жила до сихъ поръ покорная отцовской власти, нынѣ я выпускаю тебя изъ своихъ рукъ, но помни, что ты не столько освобождаешься отъ власти, сколько переходишь подъ другую, и если ты не станешь держать себя прилично въ отношеніи къ мужу, то онъ вмѣсто меня поучитъ тебя этою плетью. Послѣ этого отецъ передавалъ плеть жениху. Женихъ непремѣнно долженъ былъ принять ее и заткнуть себѣ за поясъ, какъ богатый подарокъ. По совершеніи обряда вѣнчанія невѣста падала ницъ къ ногамъ жениха и головою касалась его пятъ, въ знакъ полнаго ему подчиненія. Женихъ въ своей стороны покрывалъ невѣсту полою и тѣмъ заявлялъ, что принималъ ее подъ свое попеченіе.[2] Иногда читались новобрачнымъ наставленія, и не только простымъ, но царственнымъ особамъ, такого рода: «женѣ у мужа быть въ послушествѣ и другъ на друга не гнѣватися, развѣ нѣкія ради вины мужу поучити ея слегка жезломъ, занеже мужъ женѣ яко (Христосъ) глава на церквѣ, и жили бы въ чистотѣ и въ богобоязни».[3] Такимъ образомъ, о христіанской любви нигдѣ нѣтъ ни слова. На первый планъ выставляется страхъ предъ

---

[1] Котош. 126.—Олеар. 58.

[2] Дневн. Корба 290.

[3] Котош. 5.

мужемъ и деспотизмъ послѣдняго, усиливаемые плеткой и жезломъ. Слабое, робкое, безмолвное существо послѣ вѣнца отдавалось молодому человѣку, которому вмѣнялось въ обязанность «учить» его въ смыслѣ битья, хотя бы и «вѣжливенько.»

При такихъ условіяхъ брака и воззрѣніяхъ на личность жены, не возможно было ожидать добрыхъ отношеній между мужемъ и женою. По свидѣтельству всѣхъ оставшихся памятниковъ, и русскихъ и иностранныхъ, эти отношенія были дѣйствительно крайне жестоки. Иногда разъигрывались страшныя семейныя сцены, почти съ полною безчеловѣчностію. Нерѣдко случались поразительные факты. Женъ били плетьми «пальца въ два толщины», обливали ихъ платья «горючимъ матеріаломъ» и зажигали ихъ,» «привязывали женъ за волосы и сѣкли совершенно нагихъ», или били снявъ рубаху смертнымъ боемъ до крови и по ранамъ натирали солью.»[1] О томъ, кто не билъ жены, говорили, что онъ домъ свой не строитъ и о своей душѣ нерадитъ, самъ погубленъ будетъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ и домъ свой погубитъ. Выраженіе «кого любишь, того и наказуешь» буквально осуществлялось на русскихъ женщинахъ. Среди иностранцевъ сложился даже любопытный анекдотъ съ различными варіаціями. Русская женщина въ замужествѣ за итальянцемъ, не смотря на согласіе и любовь послѣдняго, требовала отъ него доказательствъ любви. На вопросъ: «чѣмъ же тебѣ доказать?» былъ отвѣтъ: «ты меня ни разу не билъ».—«я этого не зналъ», замѣтилъ мужъ, «но если побои нужны, чтобы доказать тебѣ мою любовь, то за этимъ дѣло не станетъ.» И сталъ послѣ этого поступать съ ней по русскому обычаю и къ удивленію замѣтилъ, что жена сдѣлалась къ нему любезнѣе и услужливѣе.[2]

Въ виду жестокаго отношенія мужа къ женѣ, родители, по словамъ Коллинса, старались иногда облегчить будущность своихъ дочерей. Выдавая дочерей замужъ, они заключали нѣкоторыя условія. Они требовали отъ зятя, чтобы онъ снабжалъ жену хорошимъ содержаніемъ, не билъ, обращался ласково, и многое другое, направленное вообще къ улучшенію быта жены.[3] Но если и дѣйствительно существовало что нибудь въ родѣ брачныхъ контрактовъ съ нравственной подклад-

---

[1] Кол. 3. 4.—Ист. Рос. Солов. XIII. прим. 375.

[2] Дневн. Корба 287.—Олеар. 64. 65.

[3] Кол. 4.

кой въ основѣ, то всетаки это не могло оказывать какой либо существенной пользы. Никакіе внѣшніе договоры не могутъ водворять порядка въ семейной жизни, если нѣтъ тамъ взаимныхъ симпатій, общихъ интересовъ, если нѣтъ нравственнаго сознанія и равенства, если въ одномъ господствуетъ убѣжденіе въ ничтожествѣ другаго.

Какъ легко заключался бракъ, такъ легко онъ и расторгался, если по чему либо жена не понравилась мужу; и тутъ мужъ имѣлъ болѣе правъ къ разводу, чѣмъ жена. Самый легкій способъ расторженія брачныхъ узъ состоялъ въ заключеніи жены въ монастырь, по большей части насильственно, исключительно по воли мужа. Прихотливый мужъ иногда изъ пустаго подозрѣнія, или по какимъ либо ничтожнымъ причинамъ, вдругъ возненавидитъ жену, посредствомъ подкуповъ представляетъ ложное свидѣтельство, бросающее тѣнь на поведеніе жены, и тѣмъ быстро достигаетъ цѣли. Иногда, замѣчаетъ Олеарій, «до того доводятъ дѣло, что добрая, невинная женщина, даже безъ всякаго подозрѣнія, принуждена бываетъ надѣть на себя чорное платье и тотчасъ отправиться въ монастырь, чтобы только не запятнать свою честь.[1] Жестокость мужа въ отношеніяхъ къ женѣ слишкомъ бросалась въ глаза иностранцевъ. Они не могли молча обойти это явленіе и въ своихъ разъясненіяхъ доходили до крупныхъ нелѣпостей, хотя довольно характеристичныхъ для того времени. Такъ какъ у москвитянъ въ четвертый разъ жениться считается грѣхомъ, говоритъ Корбъ, то они какъ можно наилучше обращаются съ третьею женою; съ первыми же двумя поступаютъ какъ съ невольницами, потому что надежда на новый бракъ порождаетъ въ нихъ мысль небрежно относиться къ нимъ. Какъ бы то ни было, но москвитяне даже и поговорку такую выдумали: «у попа, молъ, настоящая жена послѣдняя, а у мірянина третья,» и только къ такимъ женамъ питаютъ истинную супружескую любовь, послѣ смерти которыхъ они не могутъ надѣяться на новый бракъ.[2]

Понятно, что при такихъ условіяхъ жизни нерѣдко случалось, что жена, желая освободиться отъ мужа-тирана, рѣшалась на разныя мѣры, отъ легкой мести доходившія до крайности. Были примѣры, что жены отравляли своихъ мужей или просто уби-

---

[1] Олеар. 65. 66.—Ист. Росс. Солов. XIII. 158.

[2] Дневн. Корба. 287. 288.

вали.[1] Съ такими личностями обыкновенно поступали по всей строгости тогдашнихъ законовъ. Виновницу закапывали живую въ землю, выставляя «снаружи» только голову, и оставляли въ такомъ положеніи до самой смерти. Ей не давали ѣсть и пить и сторожа стояли при ней, не допуская, чтобы кто нибудь изъ состраданія накормилъ такую несчастную. Прохожимъ позволялось бросать деньги, но эти деньги употреблялись на гробъ осужденной, или на свѣчи для умилостивленія гнѣва Божія къ ея грѣшной душѣ.[2] Замѣчательно, что положительный законъ, или Уложеніе, умалчиваетъ о наказаніи мужа въ случаѣ убійства жены. Нельзя не видѣть въ этомъ проявленіи общественнаго мнѣнія относительно правъ мужа, какъ господина, деспота надъ своею женою.[3]

Но, конечно, такая месть за суровое обращеніе мужа была въ рѣдкихъ случаяхъ. Гораздо чаще, какъ мы имѣли уже случай говорить,[4] жены прибѣгали къ суевѣрнымъ средствамъ. Чтобы возбудить въ мужѣ любовь къ себѣ и отстранить его «лихое» обращеніе, они прибѣгали къ волшебнымъ чарамъ, наговорамъ и нашептываніямъ. Но въ существѣ дѣла, разумѣется, эти средства были обманчивыми и не достигали ожидаемыхъ результатовъ. Гораздо существеннѣе было то, что жены за свое униженіе отомщали обычнымъ своимъ способомъ—тайною измѣною. Какъ ни строго запирали русскую женщину, она склонна была къ тому. Иначе и не могло быть по свойству человѣческой природы: рабство всегда рождаетъ коварство и обманъ. Примѣры измѣны были нерѣдки. Запертая въ своемъ теремѣ, жена проводила все время съ служанками. Отъ томительной скуки вела съ ними, какъ выражались тогда, «пустошныя рѣчи, пересмѣшныя, скоромскія и безлѣпичныя» и пріучалась располагать свое воображеніе ко всему нецѣломудренному. Служанки, желая занять свою госпожу, вводили въ домъ разныхъ гадательницъ и въ томъ числѣ такихъ женщинъ, которыя назывались, говоря языкомъ XVII вѣка, «потворенныя бабы»,

---

[1] Олеар. 29, 30.—Акт. Ист. V №№ 14, 80 и др.

[2] Улож. XXII, 14.—Кол. 4, 12, 22. — Костом. «Очер. нрав. и обыч. рус. XVI и XVII вв.» 106.

[3] Впрочемъ закапываніе въ землю женъ-убійцъ былъ отмѣнено въ 1689 г. «Великіе государи указали... впредь иныхъ такихъ за мужнее убивство въ землю не окапывать, а казнить ихъ смертью — сѣчь головы». П. С. З. III. № 1335.

[4] См. «Остатки языч. вѣров.» въ «Странникѣ», за сентябрь 1877 года.

т. е. «что молодыя жены съ чужими мужи сваживаютъ». Эти женщины вели свое занятіе съ правильностію ремесла и очень искусно дѣлались вхожими въ дома, прикидываясь чѣмъ угодно, даже набожными богомолками. Ихъ можно было встрѣтить всюду. Случалось, что разомъ одна и таже тайно служила мужу отъ жены, и женѣ отъ мужа.[1]

Нельзя не обратить вниманія на одно выдающееся обстоятельство. По замѣчанію всѣхъ иностранцевъ, семейный бытъ русскаго духовенства отличался отъ окружавшей среды лучшими отношеніями супруговъ. Мужья оказывали гораздо большее уваженіе своимъ женамъ, нежели какъ это было въ другихъ сословіяхъ. Причину этого, какъ мы уже отчасти говорили, иностранцы видѣли въ запрещеніи священникамъ вступать во второй бракъ, что естественно располагало ихъ къ большей внимательности къ своимъ супругамъ, чѣмъ другихъ. Яснымъ и наглядным выраженіемъ благопристойной и согласной жизни, по ихъ мнѣнію, служило внѣшнее благоприличіе, замѣчаемое ими въ семейномъ быту духовенства[2] Доброта супружескихъ отношеній могла явиться и вслѣдствіи тѣхъ особенныхъ условій, среди которыхъ поставленъ былъ священникъ. Отъ желающаго поступить на священническую должность требовались особыя условія при заключеніи брака, обязательныя для другихъ. Дѣвицы—невѣсты кандидатовъ на священство должны были быть извѣстны по своимъ добрымъ качествамъ, что обусловливало самую возможность полученія сана. Кандидаты на священство не могли жениться какъ и въ настоящее время на вдовѣ, а тѣмъ болѣе на какой нибудь обезславленной женщинѣ, и даже имѣть такихъ родственниковъ.[3] Выполненіе этихъ условій предполагало конечно болѣе близкое знакомство и съ семьею и съ невѣстою еще до вступленія въ бракъ, что, безъ сомнѣнія, вполнѣ ручалось потомъ за согласіе въ семейной жизни.

Вл. Соловьевъ.

[1] Ibid. Костом: «оч. нрав. и обыч. рус. XVI и XVII вв.» 107.

[2] Perry 278.—Fanner. 100.—Кол. 2.—Дневн. Корба. 288.

[3] Warm. 37.—Paland. 58. 59.—Betien. 217. Виркг. I. 218.—Гваньини. 172. 173.—Олеар. 160 161. А. А. Э. IV. № 331.—

Извлечено изъ духовнаго журнала «Странникъ» за 1878 г.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 24 августа 1878 г.
Цензоръ, Архимандритъ *Арсеній*.

Печатано въ типографіи духовнаго журнала «Странникъ», на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Шлякова № 108.

2007043109